

В начале было слово...
(опыт анализа виртуализации социального)

Хазиева Н. О., Хазиев А. Х.

Нарастающий интерес исследователей к проблемам виртуализации жизни общества и человека основывается на стремлении осознать возможные процессы, результатами которых является социальная трансформация. Вынесенная в качестве названия известная библейская мудрость (точнее, только часть ее) есть ключ к пониманию замысла авторов работы: рассмотреть процесс виртуализации как способ преодоления наличного социального бытия. При этом понятия «виртуальное», «виртуализация» сопрягаются ими с миром, существующим, в значительной степени, только в слове.

В качестве предмета исследования взят язык повседневности советского общества эпохи развитого социализма. Дело в том, что большую часть жизни человека составляет его повседневное бытие, и именно здесь, прежде всего, он приобщается к ценностям общества и становится самим собой. А поскольку «язык – дом бытия», постольку анализ языка повседневности позволяет понять бытие человека и общества.

Развитой социализм (с точки зрения теории и практики мирового социалистического движения) – в целом представляет собой максимальное воплощение совершенства, возможного для социального бытия. Официально о достижении такого состояния в строительстве социализма в Советском Союзе было заявлено примерно в середине 70-х годов прошлого века [1]. Начиная с этого времени не только в официальных СМИ, но и в лексиконе простых советских граждан прочно закрепляются такие выражения как, например, «общенародное государство», «советский народ – новая историческая общность людей», «народ и партия едины», став практически обиходными. Тем самым утверждается, пожалуй, главное: страна достигла пика гармонии общего, особенного и единичного. И, если и возможно более совершенное состояние общества, то оно – непременно на пути дальнейшего укоренения

социалистических ценностей. Иного, как говорилось в то время, было не дано: народ советский не приемлет всего несоциалистического.

Но так ли было на самом деле, и не выдавалось ли желаемое, неподлинное, виртуальное за реально существующее?

Не подвергая сомнению безусловные достижения СССР на пути социалистических преобразований страны, внимательное «прочтение» языка советской повседневности, на наш взгляд, дает основание утверждать о справедливости поставленных вопросов. И дело не в наличии некоторых недостатков, характерных для жизни даже высокоразвитых стран.

Важно другое. Суть дела в том, что наряду с высокими оценками степени зрелости произошедших в стране перемен существовала и другая, противоположная ей. И звучала она не со стороны принципиальных врагов, что, кстати, было бы вполне ожидаемым. Эта оценка давалась самими советскими гражданами и отражала их повседневную жизнь. Следовательно, по главному критерию – приятию социалистических ценностей – в обществе существовало инакомыслие. Оно проявлялось в разных языковых формах, за которыми, соответственно, скрывалось неоднозначное отношение к анализируемому типу социального бытия.

Первая группа слов, выражений, например, таких как «дефицит», «достать», «продуктовые электрички» и т.п., отражает сомнение в возможностях социализма удовлетворять нужды и потребности человека. Такие же сомнения отражены и в следующих (и им подобных) выражениях: «спецбуфет», «спецполиклиника», «спецпаек», «построившие коммунизм для себя». В них, помимо констатации ограниченных возможностей социалистического общества удовлетворять, зачастую, элементарные повседневные потребности человека, содержался явный намек на отсутствие справедливости в советской стране.

Гораздо ярче свое принципиальное несогласие с социалистическими ценностями общество выражало так: «теневая экономика», «спекулянт», «валютчик», «рвач». Затевая теневые экономические отношения, спекулируя

всем дефицитным, стремясь к большим деньгам, человек практически откровенно заявлял о том, что советский социализм узок для реализации его желаний и возможностей.

Следующие выражения – «невыездной», «эмигрант», «невозвращенец», «диссидент» – составляли особую группу в повседневном лексиконе советских людей эпохи развитого социализма. В них – открытое неприятие, хотя бы и небольшой частью общества, установившегося образа жизни.

Таким образом, язык повседневности СССР эпохи развитого социализма демонстрирует наличие в обществе зачастую полярных отношений к социалистическим ценностям: от закономерной критики до полного их неприятия. По меньшей мере, данное исследование позволяет сделать вывод о том, что подобное состояние общества не давало оснований для ощущения удовлетворения достигнутым. Скорее, наоборот – на лицо были все причины тревожиться. Неспроста этап развитого социализма в Советском Союзе заканчивается признанием на уровне высшего политического руководства страны противоречий как движущих сил не только эксплуататорских типов общества [2]. Следующим шагом было требование гласности, нового мышления, построения демократического социализма.

И, пожалуй, главный вывод: развитой социализм в СССР – есть некое виртуальное бытие, идеологема, отождествляющая должное и сущее. В действительности разрыв между должным и сущим, виртуальным и актуальным бытием оказался столь значительным, что страна постепенно стала погружаться в состояние хаоса. Результат известен: было решено, что далее «так жить нельзя!», надо возвращаться «на столбовую дорогу человечества», коей была признана западная модель развития общества. Но не содержит ли это решение признаков очередной виртуализации социального?

Использованная литература:

1. См., напр.: Конституция общенародного государства. – М.: Политиздат, 1978.

2. Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. – М.: Политиздат, 1983.